

Цѣна годовому изданію 6 руб. сер. въ Москвѣ и Петербургѣ. За пересылку 2 руб. сер. Выходятъ по субботамъ отъ 1—1½ листа.

ВѢСТНИКЪ

Подписка принимается у книгопродавцевъ—въ Москвѣ: Хрусталева, Базунова, Ратькова, Улитина, Арлята, Дейбнера, Рено, Урбена; въ Петербургѣ: у Базунова и Ратькова.

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ.

1854.

Москва, 9-го Января.

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ: Гусиное озеро (съ политип.). (Прод.). Ловля тунцовъ (съ политип.). Некрологъ Основателя Общества. (Прод.).

ГУСИНОЕ ОЗЕРО.

(Продолженіе.)

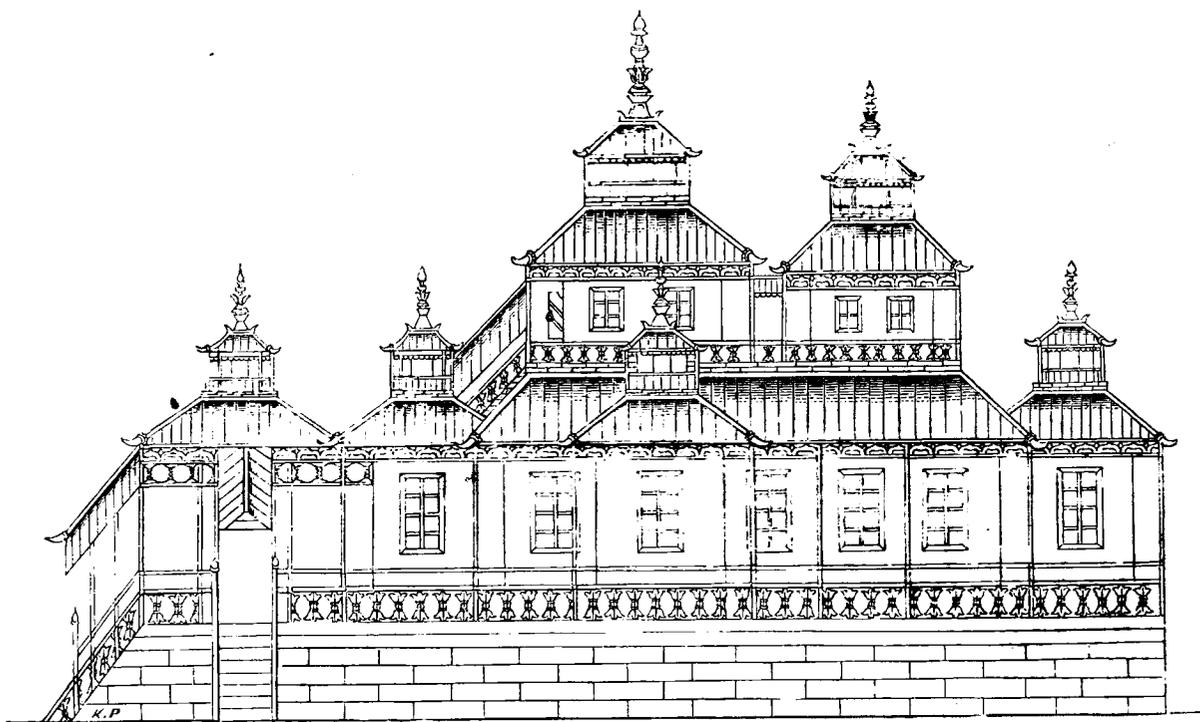
14033
Вечера доставляли намъ пріятную прохладу и возможность прогулокъ послѣ купанья, что даже необходимо при пользованіи водами. Первымъ дѣломъ нашимъ было познакомиться съ мѣстностью. Какъ я ска-
зать выше, мѣстность эта состоитъ изъ продолговатыхъ кургановъ, въ западной части озера сложенныхъ изъ пережженной до-красна глины, мѣстами прорванной лавою, то есть тою же глиною, расплавленной въ стекло; удаляясь отъ Озера къ подошвѣ горъ, встрѣчаемъ сопки, окруженные кусками лавы, въ видѣ чернаго пузыристаго камня, или остеклованной глины разныхъ цвѣтовъ. Есть цѣлые утесы лавы съ вкрапленными цеолитомъ и шабазитомъ; утесы, которые своимъ перпендикулярнымъ положеніемъ разнообразятъ монотонность холмовъ. По восточной половинѣ берега, такіе же холмы состоятъ, по большей части, изъ круглаго булыжнаго кварца, глины, песчаннику и, рѣдко, волуновъ очень твердаго гранита, вѣроятно, скатившагося съ горъ, гдѣ эта порода преобладаетъ надъ порфиромъ, гнейсомъ, зеленымъ камнемъ и прочими первозданными породами. — Кромѣ немногихъ исключеній, здѣшній гранитъ имѣетъ ту особенность, что, по большей части, которая-нибудь изъ его составныхъ частей—полевошпатель, кварцъ или слюда, въ отсутствіи, и лежитъ въ камнѣ особыми кристаллами. Есть мѣстами цѣлые утесы кварца точно также, какъ утесы слюды, соединенной съ полевошпатовою породою въ видѣ кристалловъ. Отъ этого наши граниты скоро разрушаются, и составляютъ, по большей части, здѣшнюю древнюю почву, оставляя волуны кварца, какъ породу трудно разрушаемую на поверхности. При господствующихъ

здѣсь сѣверныхъ вѣтрахъ, поднимается страшная пыль густыми облаками, которыя несутся на югъ, и засыпаютъ мало по малу южные склоны горъ, тогда какъ сѣверные, по большей части, утесисты, каменны и круты. Дресва почвы, разлагаясь отъ солнца и дождей, превращается въ эту пыль, и служа игрушкою вѣтровъ, образуетъ новыя отлогости горъ, отроги, песчанья балки, однимъ словомъ, новыя горы. Такимъ образомъ сѣверный лѣвый берегъ Селенги состоитъ весь изъ крѣпкаго дресвянаго грунта, тогда какъ южный, или правый, берегъ чрезвычайно песчанъ. Оттого-то Селенгинскъ и должно было перенести на лѣвый берегъ, что его засыпало пескомъ до такой степени, что во многихъ домахъ есть по три забора, поставленныхъ одинъ надъ другимъ для защиты отъ вторженія непріятнаго гостя.

Въ верстахъ четырехъ отъ нашего домика, я отыскалъ озерко, которое носитъ имя *Благо*. (*Цаганъ-нуръ* по-бурятски), и о которомъ я не имѣлъ прежде никакого свѣдѣнія. Бѣлый цвѣтъ сообщаетъ его водѣ отъ гужирной почвы, на которой озерко это расположено. Длинною оно будетъ съ версту, шириной въ половину ея. Вода его имѣетъ едва примѣтный соленый вкусъ, а почва, взятая со дна, сильно отзывается сѣрною печенкою. По этому, думаю, что озеро можетъ быть полезно во многихъ болѣзняхъ, на подобіе Гапсальскихъ грязей, тѣмъ болѣе, что малая глубина озера позволяетъ водѣ нагреваться до такой степени, что купаясь въ ней, вы будто берете теплую ванну. Нигдѣ, кромѣ островка Осередыша, я не видалъ такого множества водяныхъ птицъ, которыя, будучи спугнуты, поднимаются густыми тучами во всей силѣ слова. Журавли, цапли, гуси, турнаны (красный гусь), утки всѣхъ родовъ, гагарки, пиголицы, поднимаются съ земли или съ воды на каждомъ шагу. Послѣднія надоѣдаютъ сво-

имъ пискомъ, кружась надъ вашею головою, изъ боязни, чтобъ вы не раззорили ихъ гнѣздъ. Здѣсь охота за дичью чудесная. Стоитъ двумъ охотникамъ расположиться по обоимъ концамъ озера, и, при выстрѣлѣ одного, вся дичь перелетаетъ къ другому, и такъ по очереди изъ одного конца въ другой.— Но должно также сказать, что надобно сидѣть по колѣна въ болотѣ. Бурятскія стойбища стоятъ около озера, и скотъ, пьющій его воду, и питающійся солонцеватыми травами, необыкновенно тученъ. Это озеро замѣчательно еще тѣмъ, что къ нему собираются все верблюды версты изъ-за-ста и болѣе. Это животное, продаваемое за границу Китайцамъ, также какъ и здѣшняя лошадь, ходитъ цѣлое лѣто по волѣ, и поздно осенью возвращается къ хо-

зяванъ, которымъ часто приходится отыскивать своихъ коней и верблюдовъ за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ. Непривычныя лошади пу-гаются верблюдовъ. Однажды были мы здѣсь съ сестрами, и видя приближеніе цѣлаго стада этихъ безобразныхъ животныхъ, сестры перепугались за себя, а болѣе за лошадей — и потому кучеръ нашъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу и выстрѣлилъ изъ ружья. Первое движеніе стада было броситься въ разныя стороны, но потомъ, какъ бы одумавшись, верблюды смѣлѣе прежняго начали подступать въ наше сосѣдство. Второй выстрѣлъ сдѣлалъ тоже, такъ что должно было сѣсть въ экипажѣ и уѣхать отъ этихъ любопытныхъ тварей.

ВОЛЬШОЙ ГУСИНООЗЕРСКІЙ ДАЦАНЪ (КУМИРНЯ).

Исторія Гусинаго озера очень замѣчательна. Я кое-что писалъ къ вамъ о немъ, но теперь, собравъ подробныя свѣдѣнія, хочу пополнить сказанное.

Лѣтъ 80 или 90 тому назадъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ Озеро, была только долина, по срединѣ которой стояла кумирня. Подлѣ этого храма Будды былъ колодезь, а по сторонамъ незначительныя озерки, или скорѣе лужи, пересыхавшія лѣтомъ, и наполнявшіяся или изъ рѣчекъ при таяніи снѣговъ, или отъ дождей. На сѣверѣ, въ лѣвой половинѣ долины, возвышался холмъ, на которомъ было выстроено казенное зимовье, гдѣ жили казаки, пасшіе казенныхъ верблюдовъ, употреблявшихся ежегодно для каравановъ въ Китай. Середину долины пересѣкало возвышеніе, по которому была проложена дорога съ южнаго берега на сѣверный, къ мысу,

лежащему между рѣчекъ *Цильбы* и *Аца*; на этомъ же возвышеніи стояла и кумирня; меньшія сказанныя озерки лежали по обѣ стороны дороги. Непримѣтнымъ образомъ озерки начали увеличиваться въ объемѣ, но это не удивляло никого, потому что часто, въ дождливое время, случалось тоже самое, а сверхъ того, они всегда были окружены болотами, по которымъ гулять не было охотниковъ до наблюдений. Наконецъ, начала выступать вода и изъ колодца, потомъ подступать подъ самую кумирню, заливать дорогу, такъ что кумирню, сдѣлавшуюся островомъ, должно было перенести версты за четыре далѣе отъ этого мѣста. Но вода пришла и туда. Надобно было переселить *Шалелуни* еще и тогда уже поставили кумирню у подножья горъ, на рѣчкѣ *Ацъ*, гдѣ она находится и

БАНДИДА-ХАМБА-ЛАМА, ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ БУРЯТЪ.

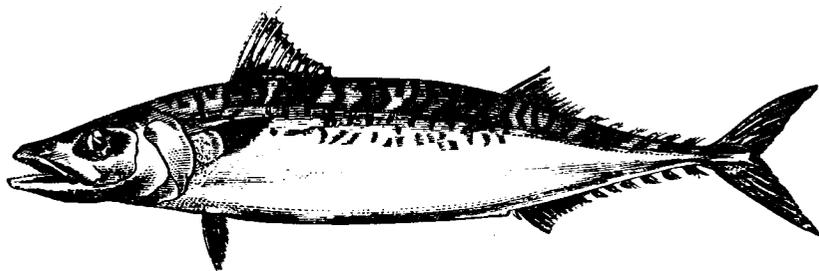
по сіе время. Съ безпрестанною прибылью воды случился и другой перевероть: дожди, наводнившіе р. Темникъ, которая вливалa свои воды въ Селенгу, заставили ее прорвать свой лѣвый берегъ, поворотить въ Озеро и наполнить его до такой степени, что избытокъ водъ долженъ былъ найти себѣ другой истокъ: изъ юго-западнаго угла Озера вырлась рѣчка Худукъ, и потекла въ Селенгу. Сверхъ того всѣ рѣчки, текуція съ сѣверныхъ горъ, вдругъ начали вливаться въ Озеро, тогда какъ, по большей части, онѣ текли только весною при таяніи снѣговъ, и то по большей части герялись въ болотахъ. Итакъ, изъ долины образовалось озеро; изъ длиннаго холма, гдѣ было казенное зимовье для верблюдовъ, сдѣлался островъ. Его-то и назвали Буряты *Буруч-Джуть*, а Русскіе *Осередышь*. Озеро изъ Темника наполнилось рыбой — щуками, окунями, сорогою и другими, а за рыбою, налетѣли всѣ водныя птицы — гуси, утки, турпаны, журавли, цапли, чайки, балкасы самые прожорливые изъ прочихъ водныхъ птицъ. По преимуществу водились гуси, которые и дали названіе озеру *Гусинаго* — и въ такомъ мно-

жествѣ, что еще лѣтъ 25 тому назадъ, собирали по берегамъ около 2 пудовъ гусиныхъ перьевъ для письма. Осередышь былъ главнымъ убѣжищемъ всѣхъ этихъ пернатыхъ, куда обыкновенно собирались промышленники бить палками *ленихъ* гусей, т. е., во время ихъ линянья, когда они не могутъ летать и держатся охотнѣе на землѣ. Должно полагать по рассказамъ, что въ это время, Озеро было верстъ болѣе 30 длиною и около 15 ширины; но потомъ, безъ всякой видимой причины, начало оно убывать; рѣчки по прежнему въ лѣтнее время, большею частію, пересыхали; *Худукъ* пересталъ течь изъ озера; Темникъ поворотился снова въ Селенгу, оставя по себѣ въ воспоминаніе рукавъ, называемой *Цаганъ-Голь*, несущій свои воды до сихъ поръ въ дань Озеру. Такимъ образомъ, оно убывало до 1850 года. Землемѣръ измѣрившій его по льду въ этомъ году сказывалъ, что оно было длиною 26, а шириною въ самомъ широкомъ мѣстѣ 12 верстъ.

(До слѣд. №.)

ЛОВЛЯ ТУНЦОВЪ.

(Matanza).

Отъ устья рѣчки Баръ, составляющей границу между Франціею и Сардиніею, берегъ представляетъ одни толстые булыжники на нѣсколько покатой плоскости, которой волны придаютъ весьма разнообразный видъ. Высокіе бурные валы, глубоко просверливая это кремнистое ложе, срываютъ его основаніе и оставляютъ за собою крутой утесъ, который, скоро оборвавшись, прсвращается въ легкій откосъ, орошаемый едва лишь слышно успокоившимся моремъ, отплывающимъ въ правильныхъ отливахъ. Безпокойное, высоко вздымающееся море, короткіе валы котораго скрещиваются другъ съ другомъ въ различныхъ направленіяхъ, образуютъ въ этой каменной грудѣ маленькіе дугообразные обрывы, такъ что берегъ окружаетъ Ниццкій заливъ длиннымъ фризомъ, украшеннымъ арабійскими арками. Въ самомъ городѣ характеръ берега измѣняется. Выдавшійся впередъ утесъ, съ покоющимся на немъ древнимъ, моремъ орошаемымъ замкомъ, развалины котораго съ роскошно разросшимся американскимъ сабуромъ и превосходными окрестностями представляютъ ландшафтному живописцу множество восхитительныхъ видовъ, выдается въ море, какъ зубъ, между городомъ и гаванью. Подошва его выдолблена на подобіе грота отъ безпрестаннаго напора волнъ, громъ которыхъ, при бушующемъ морѣ, раздается, какъ отдаленная буря. Порою бѣлая пѣна искрящимися ракетами обрызгиваетъ верхушки утесовъ, темный цвѣтъ которыхъ становится еще темнѣе и блестящѣе отъ влажности, и серебряный отблескъ разлетающихся водяныхъ брызговъ еще болѣе возвышается отъ противоположныхъ цвѣтовъ ландшафта. Отсюда тянутся на востокъ къ Генуѣ восхитительнѣйшіе зубчато-утесистые берега въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Тутъ крутые, отвѣсно-обрубленные скалы, какова такъ называемая Собачья голова съ своимъ ярко-красными каменными лапитами въ Эзасскомъ морѣ, или утесъ, на которомъ стоитъ наслѣдственно-рыцарскій замокъ принадлежащій Принцу Гримальди Монакскому. Тамъ плѣнительныя бух-

ты, постепенно расширяющіяся; зубцы и подмываемыя иглы, какъ нѣжное кружево, обрамленные на верхушкахъ вѣчно зеленѣющими дубами, масличными или лимонными и апельсиновыми деревьями.

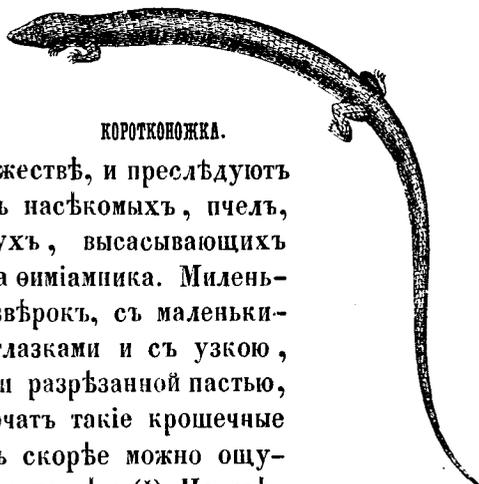
Въ промежуткахъ, глубокіе заливы, почти неизмѣримой глубины, на днѣ которыхъ, по сказанію рыбаковъ, находятся огромнѣйшія коралловые деревья, а возлѣ водятся драгоцѣнныя раковины и рѣдкія рыбы, баснословной величины. Небольшіе мелководные заливы, сквозь кристальную воду которыхъ видны въ щеляхъ и разсѣлинахъ камней, поросшихъ губками и наростами, морскіе ежи и морскія звѣзды, отвратительныя морскія кубышки и морскіе полипы, между коими крабы и сквиллы, морскіе пауки и змѣеобразные черви производятъ свои хищные набѣги. Сколько разъ, въ легкомъ челнокѣ, качался я на этихъ тихихъ бухтахъ, и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ въ воду, между тѣмъ какъ мой боцманъ, который въ качествѣ матроса и солонгера слѣдовалъ за своимъ школьнымъ товарищемъ Гарабальди на суши и на морѣ, выпуская въ теплый воздухъ дымъ сигарки, и спокойно растянувшись на лавкѣ, рассказывалъ мнѣ свои путешествія!

Главнѣйшій изъ мысовъ, выступающихъ на этомъ пространствѣ берега въ море, есть тотъ, на которомъ находится маякъ Вилла-Франкскій и старая батарея Сентъ-Госписъ. Длинной узкой полосой простирается онъ прямо на югъ, распространяя острые зубцы во всѣ стороны, гдѣ и малѣйшій клочекъ плодородной земли обработанъ и усаженъ лимонными деревьями и столѣтними оливами. Высокіе утесы, на которыхъ стоитъ круглая башня батареи, и которые высятся изъ-за маяка, поросли гнистыми кустарниками өмѣамника, запахъ котораго даже одуряетъ лѣтомъ. Сюда, въ концѣ лѣта, собираются ласточки, перепелки, овсянки, иволги, и принимаютъ полетъ къ Африканскимъ берегамъ, а горный снѣгъ пригоняетъ сюда щуровъ и зябликовъ, бекасовъ и турухтановъ для послѣдняго отдыха до переселенія ихъ черезъ море. Весною тѣ же самыя гости возвращаются изъ-за моря полумертвыми и измученными, такъ что на другой день ихъ прибытія, перепелокъ можно брать руками, а бекасовъ ручною сѣтью.

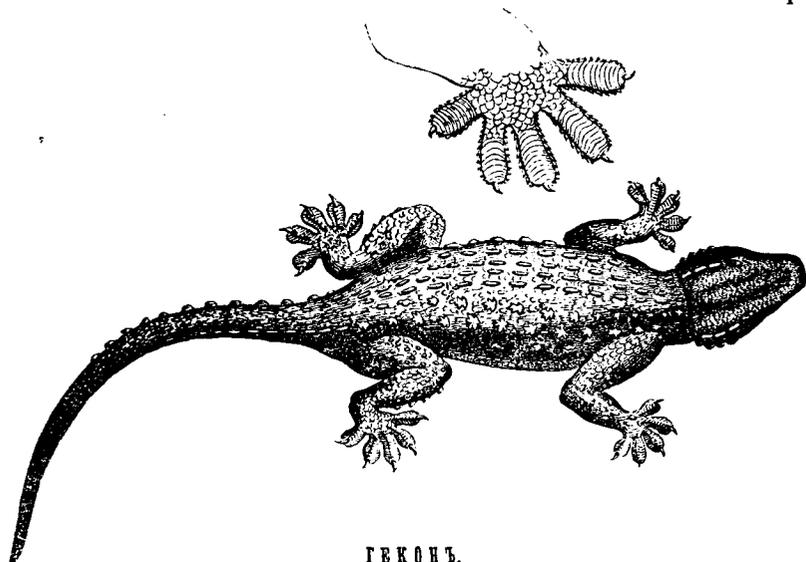
Какъ охотнику, такъ и естествоиспытателю эти сухіе утесы мыса представляютъ занимательную, но довольно рѣдкую добычу. Южная мѣдяница, коротконожка, съ длиннымъ змѣеобразнымъ тѣломъ и маленькими искривленными ножками, которыхъ можно усмотрѣть только при тщательномъ наблю-

деніи, такъ онѣ малы и недостаточно развиты, яв-

ляются во множествѣ, и преслѣдуютъ безчисленныхъ насѣкомыхъ, пчелъ, шмелей и мухъ, высасывающихъ медъ изъ цвѣта оніміамника. Маленькій, нѣжный звѣрокъ, съ маленькими умными глазками и съ узкою, едва за глазами разрѣзанной пастью, въ которой торчатъ такіе крошечные зубы, что ихъ скорѣе можно ощупать, чѣмъ разсмотрѣть (*). На стѣнахъ покинутой крѣпости, стоявшихъ нѣкогда тамъ и сямъ на возвышеніяхъ, на садовыхъ рѣшеткахъ и на стѣнахъ домовъ ползаетъ отвратительный стѣнный геконъ (**), плоско-брюшная расплющенная ящерица съ большими стекловидными глазами и съ некрасивою, бородавчатой, сѣрой кожей, испещренной темными пятнами. Короткія ноги его снабжены длинными, круглыми, загнутыми въ крючекъ когтями, которыми животное такъ крѣпко цѣпляется къ гладкимъ предметамъ, что можетъ съ чрезвычайною легкостью ползать по отвѣснымъ стѣнамъ и даже по комнатнымъ потолкамъ за мухами, которыя, вмѣстѣ съ виноградомъ и вишней, составляютъ его главную пищу. Все дурное, что у насъ приписываютъ саламандрѣ и жабѣ, на югѣ взваливается на гекона. Острою наочною влагою своихъ покровныхъ желѣзъ воспаляетъ онъ руку, схватывающую его, такъ что на ней образуются пузыри; онъ отравляетъ яствы, по которымъ перепалзываетъ, даже и не касаясь ихъ непосредственно, но только черезъ салфетку, которою онѣ покрыты; онъ нестараетъ и

КОРОТКОНОЖКА.

ГЕКОНЫ.

(*) *Seps chalcidicus* (***) *Platydaetylus muratis*.

тушить огонь около себя. Чертятъ ли оливковыя деревья, гниетъ ли виноградъ, или проявляется картофельная болѣзнь, которая сообщалась также и амурнымъ яблокамъ и всѣмъ полезнымъ растеніямъ изъ семейства пасленниковъ—весь этотъ вредъ приписываютъ земледѣлецъ невинному гекону, за что и преслѣдуетъ его съ безпощадной яростію.

На восточной сторонѣ мыса находится лѣсъ, изъ морскихъ елей (*Pinus maritima*), которыя нѣсколько защищаютъ отъ солнечнаго зноя. Тамъ сидѣлъ я однажды, стараясь передать бумагѣ чудесныя линии береговой цѣпи, протягивающейся къ Генуѣ. Тутъ близехонько свѣтитса Эза, старинный вертепъ Сарациновъ, вѣнчающій своими развалившимися стѣнами крутой синевато-шиферный утесъ; далѣе, подъ высочайшей вершиной цѣпи, блещитъ изъ глубокаго ущелія еще древнѣйшая Турбія, съ разрушенной Римской башнею, воздвигнутой Августомъ въ триумфъ Цезарю за побѣду его надъ Галлами. Гора передъ Турбіей, вершина которой круглою, обрѣзанною спереди головою стремится въ облака, образуетъ свою подошву Капо-д'Агліо, сверкающая батарея которой далеко вдается въ море, и покрываетъ большую часть отвѣснаго утеса Монаккского, мѣстопребыванія владѣтельнаго рыцаря Гримальди, возстановленнаго въ своихъ владѣніяхъ Вѣнскимъ конгрессомъ чрезъ покровительство Талейрана. Тамъ выступаетъ мысъ Св. Мартина, поросій оливковыми деревьями и сибирскими кедрами. Горе тому, кто еще недавно отправлялся туда на охоту за перепелками и бекасами! Эго была собственная охота принца Монаккского, на которую онъ смотритъ теперь въ подозрную трубку изъ оконъ своего замка, и можетъ видѣть, какъ Ментонскіе жители уважаютъ охотничьи законы своего природнаго принца.

Прежде, во времена Сарациновъ, стоялъ тамъ женскій монастырь, коего обитательницы заключили съ жителями Роккабрунскими защитительный и оборонительный союзъ противъ Турокъ, вслѣдствіе котораго первые обязывались, при звукѣ извѣстнаго колокола, покидать немедленно свои утесы и спѣшить вооруженною рукою на помощь монахинямъ. Однажды ночью вздумали онѣ испытать, вѣрны ли своему слову жители Роккабрунскіе. Раздался звукъ зловѣщаго колокола. Вскорѣ завторили ему трубы Роккабрунскаго замка, и рейтары съ факелами устремились съ горы, чтобы противостать хищнымъ Сарацинамъ. Вмѣсто того, чтобы

роскошно угостить рейтаровъ, и съ благодарностію извиниться передъ ними, ихъ встрѣтили съ насмѣшливыми замѣчаніями объ удачномъ исполненіи испытанія, и отослали безъ всякаго угощенія. Въ досадѣ отправились храбрые жители горнаго городка по каменнымъ тропинкамъ домой. Черезъ нѣсколько дней послѣ того—ночь была темная, дождь лиль ручьями—съ мыса снова зазвучалъ колоколь. Пусть теперь безъ насъ дѣлаютъ свои опыты! сказали обиженные рейтары, и остались дома. Но къ утру надъ монастыремъ взвилось пламя, и когда они прибѣжали на помощь, то при утреннемъ разсвѣтѣ увидѣли, что шебеки корсаровъ спѣшатъ при свѣжѣмъ вѣтрѣ въ открытое море. Игуменью нашли на берегу — а монахини были похищены.

Еще далѣе бѣлыя массы Вентимпльскихъ домовъ, представляющія, вмѣстѣ съ крѣпостными укрѣпленіями, ломаную линію, которая однимъ краемъ касается моря. Наконецъ, на горизонтѣ, замѣтна, на краю плоскаго мыса, стройная колокольня Бордигерской церкви, въ противоположность теплomu, освѣщенному солнцемъ, защищенному отъ вѣтровъ, мѣстечку, посреди рѣскошнѣйшаго пальмоваго лѣса, при подошвѣ длинной горной цѣпи, теряющейся въ синеватомъ мерцаніи и туманѣ. Какія угловатыя формы! Какія рѣзкія очертанія при такой дали! Каждый штрихъ карандаша слишкомъ теменъ и все еще не довольно опредѣлительнъ и рѣзокъ! Вотъ вдругъ въ густотѣ ели, подъ которой я сижу, слышенъ шорохъ, и нѣсколько сухихъ иглъ падаютъ мнѣ на бумагу. Смотрю вверхъ—исполнскій экземпляръ зеленой ящерицы съ голубыми пятнами по бокамъ, живо и ловко цѣпляется и прыгаетъ, какъ бѣлка, по вѣтвямъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи видитъ она сѣрую саранчу. Ящерица сжимается. Хвостъ свой, длиною съ футъ, какъ гибкую вѣтку, обернула она вокругъ сучка, длинными когтями своими уцѣпилась за вѣтвь, на которой плотно лежитъ ея змѣвидное тѣло: одинъ только языкъ, живыми своими движеніями, доказываетъ внутреннее волненіе. Медленно поднимается одна лапка за другою; состояніе между хищникомъ и добычею видимо уменьшается; беззаботно чиститъ между тѣмъ саранча свой маленькій хоботъ передними лапками. Я дѣлаю движеніе — саранча распускаетъ свои крылья, ящерица рѣшается на отчаянный прыжокъ, и, съ добычею въ пасти, падаетъ—въ мою сѣть для бабочекъ, гдѣ я ловлю ее съ быстротою молніи, чтобы живую принести домой.

Съ богатой, неповрежденной добычей отправляюсь я къ церкви, подлѣ которой стоитъ скромная гостиница, гдѣ ждутъ меня друзья. Оборванные мальчишки, пробѣгая мимо меня, кричатъ во все

горло: Matanza! Matanza! (*) Съ гавани кричатъ также: Matanza! Matanza! Съ тѣмъ же возгласомъ изъ маленькихъ домиковъ выбѣгаютъ дѣти. День кстати воскресный; всѣ въ церкви; женщины внутри, мужчины и парни снаружи, у дверей. На колокольнѣ раздается звонъ маленькаго колокола; благочестивые слушатели вскакиваютъ съ крикомъ: Matanza! и бѣгутъ къ гавани; женщины и дѣвушки спѣшатъ изъ церкви; даже пасторъ, пріостановивъ служеніе, въ облаченіи подходитъ къ двери, смотритъ, заслонивъ глаза рукою, на зеркальную поверхность моря, и говоритъ, пріятно улыбаясь: *si, una grande matanza!* (Какой большой ходъ)! И потомъ, въ полномъ довольствѣ, возвращается къ алтарю, спѣшитъ покончить обѣдню, и, сложивъ съ себя облаченіе, явиться къ берегу.

Тамъ уже между тѣмъ все оживилось и пришло въ движеніе. Сильная барка съ высокимъ бортомъ, гораздо больше обыкновенной рыбацкой барки, наполняется людьми, которые поспѣшно устанавливаютъ руль, и съ быстротою стрѣлы выплываютъ изъ гавани въ бухту. Барки меньшей величины съ равною поспѣшностію наполняются людьми. На берегу стоитъ тучный мужчина съ загорѣлымъ лицомъ, наизавшій на желѣзной цалкѣ круглая марка. Каждый рыбакъ, прыгающій въ лодку, получаетъ одну марку, и прячетъ ее въ карманъ.—Поторопитесь же, кричатъ мнѣ друзья. Вѣдь и мы туда же! Старикъ Б. даетъ намъ свою барку.—Ну, да, конечно, отвѣчаетъ толстякъ съ марками, кивая головою.—«Да мнѣ сперва надо свою ящерицу.» Эхъ! что за ящерица! Matanza!—«Да объясните мнѣ.» Ступайте, что за вопросы! Го! Matanza!

Нечего было дѣлать. Я прыгнулъ въ ботъ, крикнулъ вмѣстѣ съ прочими: Matanza! и только усѣвшись спокойно на лавкѣ, успѣлъ, наконецъ, добиться отъ сосѣда отвѣта на мои слова. «Съ ума что ли вы сошли съ деревней своей, что кричите, какъ бѣснующіеся, и прыгаете въ боты, какъ будто бы корабль сѣлъ на мель? Я однако же ничего не вижу въ заливѣ, который своею зеркальною поверхностію походитъ на какое-нибудь швейцарское озеро въ полдень.»—Вы ничего не видите, отвѣчалъ мой собесѣдникъ. Да развѣ вы слѣпы? Посмотрите вонъ туда; видите тамъ маленькую барку, вонъ тамъ, прямо передъ нами. Знаете ли, что это такое? «Вижу обыкновенную рыбацкую барку съ краснымъ значкомъ!» Да этого и довольно! И мы не видимъ ничего

(*) Мѣстное выраженіе, подъ которымъ разумѣютъ счастливый ловъ, обильный ходъ рыбы; радостный крикъ рыбаковъ, стерегущихъ ходъ рыбы; крикъ сторожевой, какъ нашъ: плеть, плеть! или: лови, лови!

больше! Я все таки не понимаю, что вамъ за дѣло до этихъ смирныхъ рыбокъ? «А вотъ мы сей часъ сдѣлаемъ ихъ смирными, отвѣчалъ сосѣдъ мой, смѣясь. Но не сердитесь: маленькая барка съ краснымъ значкомъ есть сторожевое судно большой тунцевой сѣти, мандраги, поставленной въ этой бухтѣ. Съ ранняго утра до поздняго вечера нѣсколько рыбаковъ стоятъ тамъ на стражѣ, подстерегая ходъ рыбы. Они покрываютъ голову темнымъ платкомъ, который кругомъ виситъ въ водѣ, и опрыскиваютъ поверхность его масломъ, чтобы его ловче было расправлять и удобнѣе глядѣть въ глубину. Какъ скоро рыба покажется, то растягиваютъ сѣти, а значекъ объявляетъ о томъ деревнѣ. Бѣлый флагъ призываетъ семнадцать человекъ, самое меньшее число для подъема сѣти; голубой флагъ требуетъ двойнаго числа, а красный возвѣщаетъ самую большую ловлю, и зоветъ всякаго, у кого есть руки и ноги. Счастіе намъ благоприятствуетъ. Сего дня большая матанца. «Теперь мнѣ все объяснилось,» возразилъ я: «и такъ, по вашему, Matanza значитъ ловля рыбы большимъ неводомъ? Теперь мнѣ понятно, отъ чего всѣ такъ кричали, бѣгали, и отъ чего даже пасторъ прервалъ служеніе,» «Ну, конечно! Ему дается лучшая часть рыбаго брюха, или даже цѣлая рыба, когда тоня велика, и у рыбаковъ появляются въ карманѣ деньги, а въ домѣ мясо, потому что внутренности, сердце и жабры пойманной рыбы принадлежатъ имъ; да не разъ и кусокъ мяса, перепадетъ въ горшокъ! Старикъ Б. подрядчикъ рыбной ловли, не скупится нынѣшній годъ, и смотритъ сквозь пальцы, когда ножъ рыбаковъ заблудится въ маслѣ. Впередъ, ребята! Чтобъ намъ занять мѣста по-лучше!»

Мандрагою зовутъ огромнѣйшій неводъ, болѣе чѣмъ на версту длины и соразмѣрной ширины, сплетенный изъ крѣпкихъ мочальныхъ веревокъ, и укрѣпляющійся къ мѣсту посредствомъ якорей и поплавковъ. Одинъ только подобный неводъ, если не ошибаюсь, закидывается на берегу Лигурійскаго залива, близъ Альбенго; напротивъ того, много подобныхъ находится на берегахъ острововъ Сардиніи и Сициліи, гдѣ ловля тунцевъ совершается въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Позволеніе закидывать подобный неводъ дается правительствомъ за опредѣленную подать, доставляющую въ годъ нѣсколько тысячъ франковъ дохода. Постановка мандраги требуетъ расходовъ до тридцати тысячъ, а чистый годичный доходъ составляетъ около тысячи франковъ. Деятнадцать тяжелыхъ корабельныхъ якорей укрѣпляютъ мандрагу Сентъ-Госписа къ утесистой почвѣ, и не рѣдко подводныя стремнины или сильныя

бури отрываютъ большіе, ключья сѣти или до того ее перепутываютъ, что нужно нѣсколько недѣль трудной работы для приведенія ее въ прежнее состояніе. Къ этому присоединяется еще содержаніе барокъ и прочихъ принадлежностей, жалованье старожамъ и главному рыбаку, управляющему всѣмъ дѣломъ, потому что эта рыбная ловля настоящей истребительный походъ противъ вереницы рыбъ, гдѣ, какъ и на войнѣ, все зависитъ отъ единства въ повелѣніяхъ. А потому одна только поддержка подобнаго невода составляетъ уже значительный денежный оборотъ, результатъ котораго чрезвычайно невѣренъ; ибо основаніе его не допускаетъ точнаго расчета. Ничто столько не зависитъ отъ случая и удачи, какъ ловля рыбъ, приплывающихъ къ берегамъ для метанія икры. Береговые жители живутъ слишкомъ безпечно, не думая о будущемъ, и «терпѣнье» любимое слово ихъ въ удовлетворительный отвѣтъ, когда спрашиваютъ ихъ объ опредѣлительномъ періодѣ такихъ явленій. Я убѣжденъ, что этотъ періодъ существуетъ точно такимъ же образомъ, какъ появленіе майскихъ жуковъ въ нѣкоторые годы и другія подобныя періодическія явленія. Но прежде чѣмъ Італіанецъ отыщетъ причину, почему въ нынѣшній годъ мандрага вытянула менѣе рыбы, чѣмъ въ прошедшій, онъ, покоряясь судьбѣ, укутывается въ плащъ, и говоритъ: «терпѣніе! Авось впередъ будетъ лучше!»

(До слѣд. №.)

С М Ъ С Ъ .

Некрологъ.

Григорій Ивановичъ Фишеръ фонъ-Вальгеймъ

(Продолженіе.)

Пріѣхавъ въ новозбранное имъ отечество въ то время, когда Палласъ кончалъ свое ученое поприще, нашъ Докторъ обратилъ все свое вниманіе на многоразличныя произведенія Россіи. Онъ неутомимо занимается описаніемъ ея ископаемыхъ животныхъ, ея насѣкомыхъ, ея минераловъ; — быстро и непрерывно велѣдъ одно за другимъ появляются въ печати его ученія изслѣдованія, а наконецъ и два сочиненія, снискавшія нашему ученому Европейскую славу — *Энтомографія Россіи* и *Ориктографія Московской губерніи*, со множествомъ рисунковъ. — Подобно Кювье, нашъ ученый занимается Русскими ископаемыми животными. Подобно ему, издавшему классическое описаніе окрестностей Парижа — нашъ ученый издастъ описаніе окрестностей Москвы. — Подобно Кювье,

который былъ обращенъ къ изслѣдованію объ ископаемыхъ животныхъ, едва лишь тогда вносимыхъ въ науку, наблюденіями надъ ископаемыми *Теребратулами* (двучерепныхъ слизняковъ) — нашъ ученый начинаетъ длинный рядъ своихъ изслѣдованій Московской губерніи изученіемъ *Теребратулъ изъ подъ Хорошова*. Для изученія Московской губерніи нашъ ученый объѣзжалъ ее нѣсколько разъ въ товариществѣ Членовъ Общества Испытателей Природы, собиралъ естественныя произведенія и интересные виды ея, а сочлены его разлагали химически минеральные источники и собирали статистическія и географическія свѣдѣнія. Изслѣдованіе нашего ученаго объ источкѣ Москвы рѣки, противурѣчащее принятымъ въ то время понятіямъ, возбудило общее вниманіе. По первоначальной цѣли Ориктографіи, она должна была объять всѣ три царства естественныхъ произведеній Московской губерніи, почему въ первомъ изданіи этого сочиненія, не поступившемъ впрочемъ въ продажу, были приложены рисунки рѣдкихъ или неизвѣстныхъ тогда нынѣшнихъ животныхъ и растений. Такимъ образомъ мысль, содѣлавшаяся нынѣ цѣлью статистическаго комитета при Московск. омъ Генералъ-Губернаторѣ и Статистическаго Сельскаго Комитета при Обществѣ Сельскаго Хозяйства, была уже разрабатываема съ 1807 года.

Двадцать пять курсовъ *Московского Университета*, семнадцать *Медико-Хирургической Академіи*, тысячи слушателей, разсыпанныхъ нынѣ по всей Россіи, и занимающихъ почетное мѣсто въ обществѣ и наукѣ, были свидѣтелями многочисленныхъ и отлично-полезныхъ трудовъ, понесенныхъ нашимъ высокоуважаемымъ Несторомъ Естественныхъ Наукъ на пользу науки и служеніе благоденствующей Россіи, которую онъ добровольно избралъ своимъ вторымъ отечествомъ.

Не менѣе важны заслуги нашего Доктора и на поприщѣ административномъ. Для описанія Московской Губерніи и Россіи нашъ ученый, желая сосредоточить дѣятельность въ нашей столицѣ, озаботился о учрежденіи Естественна-Историческаго Общества въ Москвѣ, и сдѣлался основателемъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, Высочайше утвержденного въ 1803 году. Ближайшею цѣлю его было описаніе Россіи и Москвы въ историческомъ отношеніи, и это стремленіе принесло отдаленныя плоды. Московское Общество получило двукратно *отъ щедротъ Монаршихъ постоянныхъ суммъ*, которыя упрочили его существованіе. Въ Горенкахъ, подъ Москвою, гдѣ въ богато содержимомъ саду Графа Разумовскаго содержались рѣдчайшія растенія всего свѣта, было основано подъ дирекцію Его Превосходительства Федора Богдановича Фишера, отдѣльное ученое Общество, соединившееся въ послѣдствіи съ нашимъ Обществомъ. Съ того времени Общество дѣятельно стремилось къ выполненію своей цѣли. Оно напечатало шестнадцать томовъ Бюллетеня и столько же томовъ Мемуаровъ, кромѣ нѣкоторыхъ сочиненій не вошедшихъ въ составъ ихъ. Сочиненія его удостоены посвященія Высочайшему имени Государя Императора, и за границу пользуются такимъ уваженіемъ и успѣхомъ, что не

только перепечатывались въ извлеченіяхъ въ лучшихъ журналахъ, но даже появлялись цѣлыми томами подъ новыми именами. Кромѣ Общества Испытателей Природы обязано усопшему приведеніемъ въ дѣйствіе своего назначенія и Московское Общество Сельскаго Хозяйства, которому онъ посвятилъ 13 лѣтъ своихъ трудовъ въ званіи Директора, съ 1820 по 1835 годъ.

Обратимся къ другому предмету, не менѣе отдаленному. Во время прибытія нашего ученаго въ Москву славилось собраніе естественныхъ предметовъ и библіотека Н. Н. Демидова, ученика великаго Линнея. Въ окрестностяхъ Москвы, въ особомъ великолѣпномъ зданіи, выставилъ просвѣщенный Русскій вельможа произведенія природы, наукъ и искусствъ, собранныя имъ дорогою цѣною въ путешествіи по Европѣ. — Нашему ученому Доктору предоставлена была честь описать въ полнотѣ ученое собраніе вельможи, и вскорѣ явилось въ печати полное описаніе кабинета Демидова въ 4-хъ томахъ, со многими рисунками, передавшее наукѣ многія весьма рѣдкія тѣла, чрезвычайно рѣдкіе экземпляры, которые и нынѣ, сорокъ девять лѣтъ спустя, не утратили своей цѣны. Наиболѣе цѣнные предметы, по ходатайству нашего Ученаго, перешли въ собраніе Московскаго Университета, которое было открыто публикѣ въ первый разъ въ Августѣ 1805 года. Все собраніе было размѣщено въ 7 залахъ. Нашему же Ученому обязанъ Университетъ спасеніемъ главныхъ частей собранія во время пожара 1812 года, похитившаго у нашего Доктора заготовленные имъ ученые труды, собранія предметовъ и значительную часть его домашняго имущества. Но уцѣлѣвшее отъ пожара размѣстилось въ одной залѣ. Съ того времени нашъ Ученый употреблялъ всѣ возможные средства къ дополненію собранія естественныхъ предметовъ Московскаго Университета. По каталогамъ и описаніямъ, изданнымъ нашимъ Ученымъ, публика могла судить, какъ быстро нарасталъ музей Московскаго Университета

Но еще болѣе сдѣлано нашимъ усопшимъ для Музея Московской Медици-Хирургической Академіи: въ ней созданъ въ короткое время кабинетъ животныхъ, минераловъ и растений, который не только удовлетворялъ учебнымъ Академическимъ потребностямъ, но и служилъ украшеніемъ столицы. — Воспитанники Московской Медици-Хирургической Академіи не забудутъ имени ихъ бывшаго Начальника и потому, что его просвѣщенной и вполне отеческой заботливости они обязаны учрежденіемъ *Опытной Клиники*, столь необходимой для будущаго врача-практика, *Библиотеки*, украшенной самыми рѣдкими изданіями. И это собраніе животныхъ, заключающее въ себѣ, между прочимъ, птицъ и обезьянъ изъ кабинета знаменитаго путешественника по Африкѣ *Левальана* и предметы, болѣею частью пожертвованные Гг. Гофманномъ, Триписомъ, Круберомъ, Шеллапутнымъ и проч. равно и самая библіотека, перешли нынѣ преимущественно въ Московскій Университетъ.

(Окон. будетъ.)